

В.А. КАРЕЛИН

ПРОБЛЕМА ИНТЕРНИРОВАНИЯ РУССКИХ ВОЕННО-ПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Во время Первой мировой войны в плену оказались миллионы солдат и офицеров, многие из которых были ранены, искалечены или страдали от болезней, связанных с плохим питанием и изнурительным трудом¹.

Власти воюющих государств оказались перед сложной гуманитарной задачей. Они должны были оказать помощь своим солдатам и офицерам, попавшим в плен к противнику, и вместе с тем, организовать у себя в стране содержание военнопленных вражеских армий согласно условиям Гаагской конвенции 1907 г., в 7-й статье 2-й главы которой говорилось: “Содержание военнопленных возлагается на Правительство, во власти которого они находятся. Если между воюющими не заключено особого соглашения, то военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска Правительства, взявшего их в плен”².

Содержание и охрана военнопленных отвлекали немалые финансовые, людские и продовольственные ресурсы³. Если здоровых военнопленных еще можно было использовать на работах и в определенной степени компенсировать затраты на их содержание⁴, то лечение инвалидов, раненых и тяжело больных представлялось обременительным для воюющих государств.

Карелин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторического регионоведения Мурманского государственного педагогического университета.

¹ За годы Первой мировой войны около 8 млн. военнослужащих враждующих блоков сдались в плен противнику. Потери Центральных держав военнопленными составили примерно 3,3 млн. человек. Антанта (без учета России) потеряли пленными около 1,4 млн. человек. (*Ferguson N. The Pity of War. New York, 1999, p. 368–369*). Данные о числе русских, попавших до 1 января 1918 г. в плен, в разных источниках разнятся. Но оно, во всяком случае, было наибольшим среди других воюющих стран. В статье российского исследователя Е.Ю. Сергеева приведены цифры: 3 млн. 395 тыс. нижних чинов и 14 323 офицера и “классных чинов”, что составило 74,9% боевых потерь русской армии, или 21,2% от общего числа мобилизованных в нее. Большинство русских военнопленных находились в лагерях на территории Германии и Австро-Венгрии (соответственно 42,14% и 56,9%). – *Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии. – Новая и новейшая история, 1996, № 4, с. 66.*

² Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. Глава II. О военнопленных. – <http://humanities.edu.ru/db/msg/14640>. Обязанности воюющих сторон, относящиеся к уходу за больными и ранеными, определялись Женевскою конвенцией.

³ В Российской империи для содержания военнопленных было организовано более 400 лагерей, в которых содержались от 1,8 млн., до 2,3 млн. чел. – *Суржикова Н.В. Военнопленные в экономике Среднего Урала (1914–1917). Вестник УрГУ, 2005, с. 150.*

⁴ На территории России в начале 1917 г. находились около 2 млн. военнопленных (в том числе около 190 тыс. немцев, 450 тыс. австрийцев, 500 тыс. венгров). Количество неприятельских военнопленных, занятых в экономике России, составляло 1,5 млн. чел. На некоторых заводах Урала пленные составляли от 1/3 до половины всех работающих. В металлургической промышленности юга России – свыше 25%, а в железорудной – около 60%. – *Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. – Вопросы истории, 2002, № 1, с. 144.*

Ранее других стран заинтересованность в обмене искалеченными и неизлечимо больными пленными проявили Германия и Франция. Еще в 1915 г. при посреднической миссии Ватикана воюющие стороны договорились об обмене военнопленными-инвалидами (о взаимном возврате их на родину). Между Россией и Центральными державами обмен происходил при посредничестве нейтральной Швеции. В России для координации этой деятельности был образован “Комитет по обмену и эвакуации военнопленных калек”. Шведский Красный Крест, возглавляемый принцем Карлом, организовал транспортировку русских тяжелораненых: морем между Засницем (немецким портом в Померании), и шведским портом Треллеборг близ Мальме; далее по шведским железным дорогам между Треллебергом и шведско-финляндской границей. На этом направлении работали оборудованные шведами санитарные поезда с медицинским персоналом⁵. В обратном направлении, с севера на юг, те же санитарные поезда и пароходы везли из России германских и австрийских калек.

По просьбе французского правительства Святейший Престол еще в мае 1915 г. обратился к воюющим державам с новым предложением: заключить соглашение о переводе больных и раненных военнопленных в нейтральные страны и их интернировании до конца войны. В нейтральных странах они могли бы получать полноценное питание, уход и медицинскую помощь⁶. Соглашение по этому вопросу между французами и немцами было достигнуто.

Принять у себя военнопленных согласилось правительство нейтральной Швейцарии, где из-за войны пустовала большая часть гостиниц, туристических пансионатов и туберкулезных санаториев, а их владельцы несли убытки. Организовала размещение и уход за ранеными и больными медико-санитарная служба швейцарской армии, а оплачивали все расходы по устройству, размещению и лечению своих соотечественников правительства воюющих стран. Такая организация помощи раненым и больным была признана удовлетворительной и послужила в дальнейшем образцом для других нейтральных государств.

В январе 1916 г. в Швейцарию прибыли первые французские пленные из Германии и немцы – из Франции. Впоследствии к заключенному с Германией соглашению (об интернировании больных и раненных в нейтральных странах) присоединились правительства Великобритании и Бельгии. К сентябрю 1916 г., сообщалось в представлении Отдела военнопленных российского министерства иностранных дел Совету министров, здесь были размещены: французов – 8941, англичан – 452, бельгийцев – 1076 и германцев – 2948. Всего 13 417 человек⁷.

В ноябре 1916 г. в Швейцарию, как сообщал русский посланник в Швейцарии М.М. Бибилов, прибыла вторая партия интернированных⁸.

Следуя примеру других воюющих держав, министр иностранных дел России С.Д. Сазонов предложил и правительству заключить аналогичное соглашение с неприязнательскими странами. Оно облегчило бы положение и спасло жизни многих русских военнопленных. Однако в ходе меведомственных согласований представители Военного министерства решительно воспротивились этой инициативе. Очевидно, военные бюрократы полагали нахождение большого количества русских солдат и офицеров во вражеском плену полезным, поскольку оно обременяло противника, находившегося в тисках экономической блокады Антанты, и усугубляло его продовольственные проблемы⁹.

⁵ *Nekludoff A. Diplomatic Reminiscences before and during the World War, 1911–1917. London, 1920, p. 366.*

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. “Второй Департамент. Отдел военнопленных”, оп. 708, д. 6053, л. 8.

⁷ Там же, л. 9.

⁸ Там же, л. 1.

⁹ Об этом свидетельствует секретная переписка между директором Второго департамента МИД России А.К. Бентковским и руководством Генерального штаба в феврале 1915 г. Поводом к ней стала записка, которую Владимирский губернатор Крейтон подал в МИД: “Можно ли

Святейший Престол в январе 1916 г. вновь, теперь уже по желанию германского правительства¹⁰, обратился через русского представителя в Ватикане с предложением заключить аналогичное соглашение с Россией¹¹. Позднее Датский Красный крест по просьбе правительства Австро-Венгрии поставил вопрос о заключении соглашения с Россией о взаимном интернировании больных военнопленных в Дании¹².

Обстановка для России к тому времени уже изменилась к худшему. Германское генеральное наступление на Восточном фронте в 1915 г. привело к тому, что новые сотни тысяч русских солдат и офицеров попали в плен. Учитывая последствия экономической блокады центральных держав, это привело к ухудшению и без того тяжелого положения пленных. Заболевания туберкулезом среди них приобрели массовый характер¹³.

По многочисленным документальным свидетельствам, как русских пленных, так и их французских и английских товарищей по несчастью, помощь из России была организована поздно и не отвечала потребностям больных и раненных пленных. Голод и изнурительный труд для раненных и тяжелобольных людей был равносителен смертному приговору. Трагическое положение русских пленных в полной мере использовали в своих интересах германские власти. Пропаганда, развернутая немцами среди пленных, была направлена на подрыв их морального духа и авторитета царско-

нам равнодушно дожидаться еще неопределенное время, когда наконец Германия будет окончательно раздавлена союзниками. К тому времени наши пленные могут погибнуть в страшных страданиях". Содержание обмена мнениями по поводу записки Крейтона представителей Генерального штаба и МИДа поражает своим цинизмом: "Если с одной стороны, – писал Бентковский, – удаление наших военнопленных из Германии может благоприятным образом отразиться на условиях их проживания, то с другой стороны, освобождение германского правительства от обязанности продовольствовать довольно крупное по числу своему количество военнопленных может в некоторой степени хотя бы на некоторое время улучшить его положение в отношении обеспечения народонаселения Германии питательными средствами, что с нашей военной точки зрения, несомненно, представляется крайне нежелательным". Генерал-майор Леонтьев с этой точкой зрения согласился: "Главное Управление Генерального Штаба проект Владимирского губернатора признает неприемлемым и трудно осуществимым", – констатировал он 27 февраля 1915 г. – АВПРИ, ф. "Второй департамент. Отдел военнопленных", оп. 708, д. 6053, л. 76, 76об, 77, 80, 81.

¹⁰ 13/26 января 1916 г. Бибилов сообщал из Берна, что германо-французские переговоры, наконец, "привели к окончательному результату... Во время настоящих переговоров Германия неоднократно высказывала желание, чтобы мы (Россия – К.В.) приняли участие в этом соглашении и несколько раз заявляла, что по окончании переговоров с Францией она попросит Его Святейшество Папу возбудить этот вопрос перед Императорским Правительством". – Там же, л. 26.

¹¹ Посланник при Святейшем Престоле Нелидов в январе 1916 г. уведомил МИД о предложении Ватикана касательно "водворения раненых и больных из России из Германии в нейтральных странах". Вице-директор Второго департамента МИД А. Березников в личном письме от 24 марта 1916 г. начальнику санитарной и эвакуационной части принцу А.П. Лейхтенбергскому извещил его, что папский представитель в Швейцарии кардинал Маркетти, через которого также поддерживались контакты, говорил, что "Германское правительство весьма желало бы заключить с Россией соглашение подобное заключенному с Францией и готово будто бы идти на все расходы, сопряженные с перевозкой ее больных хотя бы и в очень дальнюю страну Старого и ли Нового Света". – Там же, л.96; д. 6054, л. 9.

¹² Там же, д. 6053, л. 84.

¹³ Из Центрального Комитета Российского Общества Красного Креста в конце августа 1916 г. сообщали: "В Комитете получены сведения, что наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в значительно большем числе умирают от туберкулеза и что вообще зараза этой болезнью, принимая там на почве недоедания угрожающие размеры, может послужить очагом распространения этой болезни и в России при возвращении наших пленных. Ввиду этого необходимо кроме усиления продовольствования наших военнопленных посылками съестных припасов соглашение с Германией и Австро-Венгрией об эвакуации туберкулезных больных в нейтральные страны". – Там же, л. 126.

го правительства¹⁴. По заверениям немцев, Россия не желала помогать своим воинам, терпящим в плену лишения и страдания. Это побудило русскую дипломатию вести более активную политику в вопросе о судьбах военнопленных.

Сазонов проявлял серьезное беспокойство в связи с ростом недовольства в русском обществе в связи с обострением проблемы военнопленных. 1 апреля 1916 г. он писал военному министру Д.С. Шуваеву: “Русское общественное мнение уже склонно осуждать Правительство за то, что им не сделано попытки добиться от Германского правительства того, что уже достигнуто Французским для своих пленных”¹⁵. Влиятельные друзья и родственники русских офицеров и генералов, попавших в плен, старались подтолкнуть власти к практическим действиям¹⁶.

СОГЛАШЕНИЕ С ГЕРМАНИЕЙ И АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ

Приступая к осуществлению идеи соглашения с Германией и Австро-Венгрией о взаимном интернировании в нейтральных странах раненых и больных пленных, министр иностранных дел России должен был решить ряд практических вопросов. Прежде всего, надлежало ослабить противодействие со стороны Военного ведомства (руководителей Генерального Штаба и министерских чиновников). С этой целью Сазонов предпринял обходный маневр. Он обратился к начальнику штаба Ставки генералу М.В. Алексееву, пользовавшемуся большим авторитетом у царя. По распоряжению Сазонова начальник дипломатической канцелярии в Ставке князь Кудашев подготовил Алексееву доклад в духе взглядов министерства иностранных дел на проблему пленных. Подготовив почву, Сазонов 22 марта 1916 г. обратился с “всеподданнейшей запиской” к Николаю II. В результате министр получил санкцию царя на предварительные переговоры с правительствами нейтральных стран о возможности интернирования у них раненных и больных военнопленных.

Сазонов поручил дипломатическим представителям России в нейтральных странах неофициально выяснить, какие из этих стран и на каких условиях готовы принять раненых и больных военнопленных¹⁷. Теперь Сазонов мог обратиться к военному министру Шуваеву, не рискуя вновь получить негативный ответ. Министр иностранных дел писал военному министру подчеркнуто высоким стилем: “Государь Император в 22-й день сего марта на основании сделанного мной доклада Высочайше повелеть соизволил разрешить мне войти с подлежащими иностранными правительствами в переговоры относительно осуществления переданной мне из Ватикана нашим при Папском престоле Посланником мысли Его Святейшества Папы об интернировании больных военнопленных наших из Германии, а германских из России в нейтральные страны, которые бы согласились на такой обмен и предоставили бы благоприятные для лечения условия. Во исполнение таковых Высочайших указаний предполагаю, если со стороны Вашего Высокопревосходительства не встречается возражений, поручить Испанскому Послу в Берлине предложить Германскому Правительству заключить с нами соглашение по образцу того, которое уже подписано Францией и Германией и уже осуществляется на деле.... Я признаю крайне желательным незамедлительно разрешить настоящий вопрос, дабы сохранить России возможно большее число ее сыновей, попавших во вражеский плен”¹⁸.

Однако достигнутый министром иностранных дел в межведомственной борьбе тактический успех оказался лишь частичным. Трудности сопровождали обсуждение главного вопроса: о выборе нейтральных стран, где могли быть интернированы русские и неприятельские пленные. Позиции Генерального штаба и МИДа при этом сущест-

¹⁴ О положении пленных и политике по отношению к ним германских властей см.: *Сергеев Е.Ю.* Указ. соч., с. 67–73.

¹⁵ АВПРИ, ф. “Второй департамент”, оп. 708, д. 6053, л. 14.

¹⁶ Там же, л. 92; д. 6054, л. 61.

¹⁷ Там же, д. 6053, л. 80б.

¹⁸ Там же, д. 6054, л. 12–14.

венно расходились. Стратеги Генштаба и чиновники военного министерства рассчитывали и далее использовать преимущество России в людских ресурсах¹⁹. Поскольку больные и раненные русские солдаты и офицеры, интернированные в нейтральных странах до конца войны, уже не могли непосредственно повлиять на расклад военных сил и исход войны, они списывались со счетов. Приоритетной задачей Генштаба, как свидетельствуют архивные документы, являлось не спасение наибольшего числа русских военнопленных от голода, болезней и смерти. Их судьба волновала штабных стратегов в последнюю очередь. Главное внимание они уделяли интернированию германских и австрийских пленных. Главным при решении проблемы они считали не позволить противнику приобрести военное преимущество вследствие возможного бегства пленных или развертывания с их участием шпионажа против России с территории нейтральных стран.

Представители министерства иностранных дел, со своей стороны, признавая важность военных соображений и расчетов, не могли не беспокоиться и о поддержании международного престижа царского правительства; вместе с тем, они не собирались игнорировать все более настойчивые требования общественного мнения внутри страны о помощи пленным. Для решения проблемы спасения от гибели больных и раненных признавалось необходимым расширить круг стран, готовых принять большое количество русских и позаботиться о них.

Ватикан в обращении к русскому правительству предложил русских пленных из Германии и Австро-Венгрии разместить в Швейцарии, а германо-австрийских пленных перевезти для интернирования из России в Швецию и Данию²⁰. Однако Швейцария, где уже нашли приют и медицинский уход свыше 13 тыс. пленных из Франции, Англии, Бельгии и Германии²¹ могла принять дополнительно лишь небольшое число русских. В дипломатической переписке речь шла о примерно 200-х больных туберкулезом русских офицерах.

Такой вариант не устраивал военное министерство. Прежде всего потому, что оно крайне отрицательно отнеслось к идее разместить пленных немцев в Швеции, чей официально объявленный “строгий” нейтралитет на деле носил прогерманский характер, а среди населения были распространены германофильские настроения. Позицию своего ведомства по этому вопросу Шуваев изложил Сазонову. Военный министр заявил, что военные не считают нейтралитет Швеции надежным и не исключают ее выступления на стороне Центральных держав. При таком развитии событий “военнопленные германцы могут быть использованы для военных надобностей”. Но даже если этого не случится, сосредоточение в Швеции “большого числа неприятельских военнопленных способно усилить шпионаж в пользу Германии”. С не меньшим предубеждением в Генштабе относились и к Дании, которая к тому же имела с Германией общую границу. В качестве альтернативы Шуваев предложил Норвегию. В этой стране, писал он, “климат сравнительно хорош, а раненные германцы едва ли могут

¹⁹ Показательно в этом отношении личное письмо князя Кудашева Сазонову из Ставки, написанное в разгар отступления русской армии в 1915 г. Начальник штаба ВГК генерал Янушкевич развивал перед Кудашевым идею, что для остановки наступления Германии весной – летом 1915 г. на Восточном фронте главному командованию и правительству необходимо пойти на чрезвычайные меры и призвать под ружье сразу полтора миллионов человек “чтобы одна часть людей, призываемая в первую очередь, для пополнения выбывших, обречена была вследствие своей необученности верной гибели. Но дала бы время остальным подучиться... Сперва волеются в строй 300.000 человек, которые и лягут костями в первый же месяц. Через месяц появятся 300.000 человек слабо обученных, получивших месячное образование. Их заменят солдаты с 2-х месячным образованием и так далее. Так что материал солдатский будет все время улучшаться”. Начальник дипломатической канцелярии так комментировал суждения Янушкевича: “Не берусь судить о достоинствах такой системы, но расточительность человеческих жизней представляется мне жестокой”. – Там же, ф. 138, оп. 467, д. 338/341, л. 93об.

²⁰ Там же, оп. 708, д. 6054, л. 32об.

²¹ Часть немецких пленных была размещена в Испании.

быть использованы в несоответствующих нашим интересам целях”²². Принимались во внимание антантофильская позиция Норвегии, негодование местной печати и населения против Германии, от действий подводных лодок которой жестоко страдали норвежские торговые моряки.

“С Высочайшего соизволения” при министерстве иностранных дел для разработки проекта соглашения с Центральными державами об интернировании больных и раненных в нейтральных странах было созвано совещание представителей заинтересованных ведомств²³. Кроме МИД, были приглашены военное и морское ведомства, министерства путей сообщения и финансов, представители российского общества Красного креста, Комитета помощи русским военнопленным во вражеских странах. Совещание провело два заседания: 14 июня и 9 августа 1916 г. Сазонов, расширив круг привлеченных учреждений, рассчитывал в случае оппонирования военных добиться поддержки своей точки зрения другими участниками. Однако этот расчет не оправдался. В ходе обсуждения наиболее важных практических вопросов выявилось безусловное доминирование представителей военного министерства, с которым во всем соглашались делегаты от морского.

В начале июля 1916 г. Сазонов был неожиданно для него уволен в отставку. Царь не простил ему участия в “министерской забастовке” 1915 г. и сближения с думской оппозицией. Назначение новым министром иностранных дел премьера Б.В. Штюрмера не способствовало успеху планов максимально расширения участия нейтральных стран в интернировании русских пленных.

26 сентября 1916 г. МИД по итогам работы совещания сделал представление в Совет министров. Заключение правительства последовало 27 сентября 1916 г.²⁴: “Совещание, разделяя заключение Военного ведомства, считало допустимым водворение их (военнопленных. – В.К.) лишь в Швейцарии и Норвегии... Не подлежит, конечно, сомнению, что столь ограниченный выбор нейтральных стран для интернирования военнопленных не может не отразиться на некотором сокращении числа лиц, которые могли бы воспользоваться указанной благотельной мерой. Однако это обстоятельство как бы достойно сожаления оно само по себе ни было, не может иметь решающее значение в данном вопросе и во всяком случае должно уступить пред требованиями государственной необходимости”²⁵. Это решение означало, что министерство иностранных дел в споре с военным ведомством осенью 1916 г. проиграло. В более широком смысле, в правительственных верхах победили силы, которые не желали считаться ни с общественным настроением, ни с критикой своих действий думской оппозицией, ни с массовой гибелью русских пленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии.

В начале июля 1916 г. товарищ министра иностранных дел В.А. Арцимович, которому Сазонов поручил заниматься вопросом интернирования больных и раненных пленных в нейтральных странах, шифрованной телеграммой просил российского посланника в Христиании К.Н. Гулькевича “вполне частным образом выяснить, как отнеслось бы норвежское правительство к мысли водворить до конца войны больных военнопленных немцев и австрийцев, а может быть и части наших в Норвегию”²⁶. В случае положительного ответа требовалось уточнить финансовые условия их содержания и лечения. Ответ последовал немедленно²⁷. Быстрота ответа свидетельствовала о том, что, несмотря на загруженность дипломатической миссии в Христиании, посланник посчитал поручение министерства содействовать интернированию больных и раненных русских офицеров и солдат в Норвегии делом крайне важным и безотлагательным.

²² АВПРИ, ф. “Второй департамент. Отдел военнопленных”, оп. 708, д. 6054, л.13.

²³ К задачам совещания были отнесены: выбор желательных для интернирования нейтральных стран, утверждение списка болезней, решение вопроса о путях вывоза вражеских пленных за границу, определение источников финансирования содержания интернированных.

²⁴ АВПРИ, ф. “Второй департамент. Отдел военнопленных”, оп. 708, д. 6053, л. 6,8.

²⁵ Там же, л. 6об.

²⁶ Там же, д. 6054, л. 73.

²⁷ Там же, л. 232–234об.

В этом, несомненно, нашли проявление особенности личности Гулькевича. Но вместе с тем, проявилась и специфика задач, которые он, решал в напряженной и сложной обстановке, когда нейтральным скандинавским странам грозила перспектива прямого вовлечения в схватку воюющих сторон. Гулькевич провел в Норвегии в роли полномочного российского представителя год: с весны 1916 г. до весны 1917 г. Гулькевич проявил себя как инициативный, энергичный и самостоятельный работник. Приобретший немалый и разнообразный опыт дипломатической службы в представительствах России за рубежом, до перевода в Норвегию он работал в центральном аппарате МИД. Должность советника 2-го политического отдела МИД, которую он занимал накануне своего перевода в Норвегию, помогла ему приобрести не только более широкий кругозор, но также упрочить ценные служебные и личные связи в столице. Карьера Гулькевича была на подъеме. Февральская революция не только не оборвала ее, но и подняла на более высокую ступень благодаря установившимся еще до февраля 1917 г. дружеским личным отношениям с будущим министром иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюковым.

Искренность и горячее стремление Гулькевича помочь раненым и больным соотечественникам, томящимся в лагерях Германии и Австро-Венгрии, вырваться из плена, проявились в его письме Арцимовичу²⁸. Из сообщения Гулькевича следовало, что, исполняя поручение, он уже имел беседу с премьер министром Г. Кнудсенем и министром иностранных дел Н.К. Иленом²⁹. Норвежские государственные мужи на тот момент не усмотрели в поставленном посланником вопросе политического значения и отнеслись к нему без энтузиазма. Они рассматривали возможное интернирование в Норвегии раненных и больных военнопленных воюющих сторон как проявление человеколюбия цивилизованного государства, оставшегося в силу нейтралитета в стороне от мирового конфликта. Это мероприятие сулило им расходы и хлопоты, но первоначально казалось, что оно никак не связано с интересами собственно норвежской внешней политики. Оба министра выразили свое сочувствие предложению, но “высказали сомнение относительно возможности приютить в стране большое число военнопленных”³⁰. Кнудсен дал это понять весьма определенно, а Илен, как это принято в дипломатической практике, высказался в более мягкой форме. Позднее русскому посланнику стало известно, что норвежский военный министр вообще настроен против приема военнопленных. Сомнение у него вызывала казавшаяся нереальной в условиях затянувшейся войны перспектива сохранения дисциплины среди иностранцев, интернированных в Норвегии. Чем дольше война длилась, тем более проблематичным казалось решение этой задачи.

ИНТЕРНИРОВАНИЕ РУССКИХ ПЛЕННЫХ В НОРВЕГИИ

Российский дипломат Гулькевич энергично взялся за дело. Он встретился с главным военно-санитарным инспектором норвежской армии полковником Доэ. В Доэ он нашел компетентного и заинтересованного партнера. Незадолго до встречи с Гулькевичем Доэ совершил поездку в Швейцарию, где подробно изучил опыт попечения о военнопленных. Доэ, писал русский дипломат, “горячо увлекается этим. Ему чрезвычайно хотелось бы, чтобы ему было поручено составить проект размещения в стране известного числа военнопленных, определить расходы и т.п.”³¹. К профессиональному честолюбию Доэ добавлялся и “большой военно-медицинский интерес”³². Военно-медицинская служба Норвегии имела хорошую возможность, принимая на интернирова-

²⁸ Заместитель министра оставил на полях письма свое замечание: “Все время говорит о наших военнопленных, а не о германцах!” – Там же, л. 232.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, л. 232об. В телеграмме от 5/18 июля 1916 г. Гулькевич сообщал, что норвежцы ссылались “на нехватку помещений”. – Там же, д. 6070, л. 212.

³¹ Там же, л. 232об.

³² Там же, л. 233.

ние больных и раненных пленных, приобрести ценный практический опыт. К тому же после выздоровления военнопленные могли бы быть полезны стране, испытывающей недостаток рабочих рук. Гулькевич отмечал, что “доктор Доз... считает своим долгом сделать все от него зависящее, дабы пристроить наших пленных в Норвегии, ибо ему пришлось в Швейцарии беседовать с одним английским офицером. Последний сказал, что если положение англичан в Германии было плохо, то ему не хватает слов, чтобы описать бедственное положение русских и лишения, которые они терпят. Англичанин умолял доктора довести вышеизложенное до сведения Императорского правительства”³³.

Имея в союзниках доктора Доз, Гулькевич приложил немалые усилия, чтобы повлиять на военного министра Норвегии. Это ему удалось. 10/23 июля 1916 г. Гулькевич телеграфировал в Петроград: “Военный министр обещал мне сделать все от него зависящее, дабы Королевское Правительство изъявило согласие..., хотя опасается, что здесь не удастся пристроить больше число таковых”³⁴. Однако официальное решение норвежских властей затягивалось. Как позднее выяснилось, правительство Норвегии искало способ использовать вопрос об интернировании военнопленных для решения иных стоявших перед ним проблем. Через две недели Арцимович известил телеграммой посланника в Христиании, что необходимо до конца июля постараться добиться от норвежского правительства “более определенного ответа”, и выяснить общее количество солдат и офицеров, которое возможно “водворить в Норвегию”. Он напомнил Гулькевичу, что придется интернировать не только русских, но и германцев с австро-венграми³⁵. Ответ посланника гласил: “Военный министр сообщил, что официальный ответ я получу на днях”³⁶.

Однако Гулькевичу разрешено было передать в Петроград, что норвежцы согласны “принять на первое время 300 русских военнопленных и столько же неприятельских”³⁷. Норвежский военный министр оптимистично полагал, что военнопленные могли бы начать прибывать в Норвегию уже через месяц, то есть в сентябре 1916 г.

В действительности же русским военнопленным предстояло еще ждать восемь месяцев. 18/31 августа Гулькевич сообщил в Петроград, что официального решения норвежского правительства все еще не последовало. Однако была и хорошая новость. Полковник Доз “под условием строгой тайны” поведал Гулькевичу, что им разрабатывается план на 1200 русских военнопленных. Русский посланник писал, что ему “обещали, что наши военнопленные будут находиться близ Христиании, и за ними будут ухаживать, как за своими”³⁸.

В сентябре 1916 г. стало понятно, какие планы и проекты обсуждались в норвежском правительстве, заставляя его откладывать принятие официального решения. Гулькевич телеграфировал в Петроград, что хотя получение окончательного ответа еще ожидается в ближайшем времени, определенно известно, что число раненных пленнх будет доведено до одной тысячи.

Но главное было в другом. Норвежское правительство запросило Петроград: как российское министерство иностранных дел отнеслось бы к проекту, чтобы все скандинавские страны взяли на себя попечение о больных и раненных военнопленных и чтобы в каждую из них были направлены принадлежащие к одной национальности, а в Норвегию были посланы “исключительно русские”³⁹.

Архивные документы не дают прямого ответа на вопрос о причинах, побудивших норвежское правительство выдвинуть эту идею. Можно лишь предполагать, какими соображениями руководствовалась норвежская сторона. Отметим, что общественность Норвегии была крайне возмущена действиями германских подводных лодок,

³³ Там же, л. 234об.

³⁴ Там же, л. 211.

³⁵ Там же, л. 209.

³⁶ Там же, л. 208.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 207.

³⁹ Там же, л. 206.

которые в открытом море топили нейтральные торговые суда вместе с командой и пассажирами. Газеты пестрели описанием эпизодов беспощадной жестокости, с которой германский флот вел подводную войну против Антанты и торговавших с ней нейтралов. То и дело сообщалось о потоплении очередного норвежского парохода и гибели моряков. Оказание в такой момент Норвегией гостеприимства немецким военнопленным могло вызвать в стране осуждение и резкую критику правительства.

Однако и отношения норвежского правительства с Великобританией складывались непросто: экономическими мерами и политическим давлением Лондон принуждал нейтральные страны если не прекратить, то резко ограничить торговлю с Германией. В наиболее уязвимом положении среди всех “северных нейтралов”⁴⁰ оказалась Норвегия. Норвежцы находились в сильной зависимости от импорта продовольствия, сырья и угля из Великобритании.

Личные отношения министра иностранных дел Норвегии Илена с английским посланником М. Финдлеем, жестко проводившим линию своего правительства, складывались напряженно⁴¹. Судя по переписке Гулькевича, ему часто приходилось выслушивать эмоциональные жалобы норвежского министра на несправедливое обращение Великобритании с самой лояльной к Антанте скандинавской страной. Не исключено, что превращением Норвегии в приют для тысяч русских военнопленных норвежское правительство рассчитывало сблизиться с Россией, поскольку гипотетически это давало шанс при ее содействии добиться от Британии послаблений и уступок в проведении блокадной политики Антанты. Нельзя забывать, что Норвегия остро нуждалась в поставках продовольствия, особенно хлеба, и Россия, смягчив запрет на экспорт этого стратегического товара, вполне могла стать его главным поставщиком в Норвегию. Это было выгодно России: война привела к значительному понижению курса рубля и ухудшению платежного и торгового баланса страны; торговля с Норвегией могла бы помочь российской экономике.

Гулькевич тесно сотрудничал с представителями союзников в Христиании, мягко, но настойчиво убеждая Илена подчиниться неизбежным требованиям блокадной политики Антанты. Вместе с тем, русский посланник стремился использовать трения в отношениях между Англией и Норвегией для того, чтобы добиться более тесного сближения Норвегии с Россией имея ввиду послевоенную перспективу развития двусторонних отношений.

Арцимович в предварительном сообщении посланнику указал, что российское военное ведомство в настоящий момент решительно возражает против интернирования неприятельских военнопленных в Дании и Швеции. Это делает перспективу реализации норвежского предложения маловероятной⁴². Но до рассмотрения междуведомственного спора советом министров вопрос все еще формально не был закрыт. 26 сентября 1916 г. министерство иностранных дел направило в Совет министров представление, в котором излагались итоги работы совещания. В представлении было изложено и особое мнение МИД. В нем подчеркивалось, что рекомендация междуведомственного совещания разместить пленных только в Швейцарии и Норвегии недостаточна, так как не позволяет решить проблему спасения соотечественников, томящихся в неприятельском плену. По сведениям, которыми располагал МИД, только число русских пленных больных туберкулезом в лагерях Германии превышало 9 тыс., что было больше общего числа французских пленных размещенных в Швейцарии, и превышало число русских офицеров (200 чел.), которых швейцарские власти изъявили готовность принять у себя. Министерство иностранных дел предлагало правительству не соглашаться с мнением совещания и расширить круг нейтральных стран, с тем,

⁴⁰ К “северным нейтралам” относили Голландию, Данию, Швецию и Норвегию.

⁴¹ Илен воспринимал манеру, с которой Финдлей обращался к нему, как “унижающую”. — Riste O. The Neutral Ally. Norway's Relations with Belligerent Powers in the First World War. Oslo, 1965, p. 167.

⁴² АВПРИ, ф. “Второй департамент. Отдел военнопленных”, оп. 708, д. 6070, л. 205.

чтобы увеличить количество больных и раненных русских пленных, которых можно вывезти из лагерей Германии и Австро-Венгрии, спасти русских солдат от возможной гибели. Было и другое соображение, высказанное Сазоновым еще в то время, когда он был министром. Сазонов полагал, что Германия и Австро-Венгрия согласятся на вариант взаимного обмена интернированными, когда число военнопленных будет сведено до незначительной величины⁴³.

27 сентября 1916 г. последовало решение Совета министров. На следующий день Арцимович информировал об этом Гулькевича телеграммой: “Вернувшись из Совета министров, могу сообщить, что он признал возможным согласиться на интернирование наших врагов только в Норвегии и Швейцарии и решительно высказался против Дании и Швеции”⁴⁴.

Получив переданный Гулькевичем ответ Петрограда, королевское правительство Норвегии официально циркулярной нотой известило все миссии воюющих стран, аккредитованные в Христиании, о своем согласии принять по 300 больных и раненных военнопленных от держав Антанты и их противников⁴⁵. Содержание ноты стало для Гулькевича неприятным сюрпризом. После распределения этих 300 мест среди держав Антанты (Великобритании, Франции, Италии и России) доля, назначенная русским военнопленным, уменьшилась бы в несколько раз. Посланник немедленно отправился к министру иностранных дел Илену, чтобы выразить тому свое “глубокое разочарование”⁴⁶.

Однако министр сумел успокоить Гулькевича, сообщив, что норвежское правительство “более всего старается сохранить внешнюю нелицеприятность ко всем воюющим и к отдельным союзникам”, но предполагает, что никто из союзников России фактически не сможет из-за опасного и длинного морского пути прислать в Норвегию находящихся у них германских и австрийских пленных. Илен подчеркнул, что не возражает против того, чтобы союзники уступили России свою долю. Эта цифра, пообещал он Гулькевичу, будет доведена “при успешности опыта” до 1 тыс. военнопленных для каждой из воюющих сторон. Расчет был верен. Действительно, в последующем удалось легко договориться с англичанами, французами и итальянцами об уступке ими своих мест в Норвегии российским военнопленным. Посланник не преминул отметить, что председатель совета министров Норвегии Кнудсен и министр иностранных дел Илен вновь выразили надежду, что дело интернирования в конце концов разрешится в том смысле, что “в Норвегию будут присланы исключительно русские”. В этом случае, писал Гулькевич, более 2 тыс. наших соотечественников могли бы найти уход в Норвегии, подобный тому, какой обеспечен союзникам в Швейцарии⁴⁷.

Прием пленных для интернирования норвежцы ограничили некоторыми условиями. О них посланник сообщил в депеше от 27 сентября 1916 г.⁴⁸. Во-первых, приему подлежали исключительно военнопленные (а не гражданские лица). Во-вторых, норвежцы категорически отказывались принимать больных туберкулезом. В отношении этой болезни Норвегия в то время была одной из самых неблагополучных в Европе. Из каждых семи умиравших норвежцев, приводил статистику Гулькевич, один по-

⁴³ После отставки Штюмерера с поста премьера царскому правительству, несмотря на возражения военного ведомства, пришлось дать согласие воспользоваться услугами Дании, куда наряду с Норвегией весной 1917 г. были интернированы военнопленные обеих воюющих сторон. Напротив, проект интернирования в Швейцарии был оставлен за трудностью доставки туда морем из России в значительном числе германских и австрийских раненных и больных пленных.

⁴⁴ АВПРИ, ф. “Второй департамент. Отдел военнопленных”, оп. 708, д. 6070, л. 204.

⁴⁵ Там же, л. 196.

⁴⁶ Там же, д. 6053, л. 63об.

⁴⁷ В Совете министров это предложение после 10 октября 1916 г. рассматривалось, но не было поддержано. — Там же, л. 63об.—64.

⁴⁸ Там же, л. 64.

гибал от чахотки. Хотя норвежское правительство ссылалось на нехватку врачей и специализированных санаториев в Норвегии, на самом деле это указывало на неблагоприятные социальные условия и плохое питание бедняков. Норвежцы также не хотели принимать больных сифилисом в заразной стадии, душевнобольных и алкоголиков, виду особых требований ухода за ними и специфики лечения.

В основу правил приема и содержания военнопленных, составленных норвежской стороной, была с незначительными изменениями и дополнениями положена организация, созданная для приема интернированных больных и раненных военнопленных в Швейцарии⁴⁹. Управление интернированными в Норвегии принадлежало специальному комитету, члены которого назначались военным министром Хольтфузом. В этот комитет входили доктор Доэ и представители норвежского Красного креста. Комитет по согласованию с штабом норвежской армии назначал места для интернирования. Всеми делами управления руководил Доэ. Он назначал в каждую местность, где были организованы лагеря для содержания интернированных, военного врача из состава медико-санитарной службы норвежской армии. Лечение пленных должно было происходить по стандартам норвежской армии.

В каждом лагере за поддержание порядка и дисциплины отвечал русский офицер из военнопленных, который сам выбирал себе помощников из числа унтер-офицеров. Власти сохраняли за собой право злостных нарушителей норвежских законов и порядка, установленного в лагерях, возвращать в Германию или Австро-Венгрию. Отметим, что на практике применять эту меру не пришлось.

Финансовая проблема была решена следующим образом: обустройство помещений для интернированных осуществляла норвежская сторона. Расходы на содержание пленных и их лечение обязывалось покрывать русское правительство. Проявив великодушные и щедрость, норвежские власти снизили первоначально определенные ими цифры: ежедневная плата за офицера была сокращена с 7 до 5 крон, а за солдата с 5 до 3 крон. За лечение каждого военнопленного следовало вносить по 50 эре⁵⁰. Помимо этого, норвежское правительство решило добавить от себя на содержание каждого человека еще по одной кроне. Пленные имели право бесплатной почтовой корреспонденции. Разрешалось посылать за границу открытые письма (до восьми в месяц). Родственники пленных могли селиться поблизости и принимать участие в уходе за своими близкими. Если учесть, к тому же, что для больных и раненных пленных норвежцы арендовали лучшие туристические отели, пансионаты и санатории, расположенные вблизи Христиании, то нельзя не признать, что они как хозяева с честью и до конца исполнили долг гостеприимства и человеколюбия. Обеспечение интернированных военнослужащих денежным жалованием и вещевым довольствием (обувь, нижнее белье, обмундирование, в том числе зимнее) возлагалось на российскую сторону.

Правила пребывания русских в Норвегии были окончательно согласованы с российским правительством в течение февраля–марта 1917 г. В каждую группу интернированных в Норвегии должны были войти военные врачи и священники из числа пленных.

Не обошлось без курьезов. От генерала П. Аверьянова из российского Генерального штаба в министерство иностранных дел поступило предложение возвращать после лечения в Норвегии русских пленных в Германию, а на освободившиеся места привозить новых раненных и больных⁵¹. По-видимому, генерал, дезориентированный переменами революционной весны 1917 г., полагал, что он идет в духе требований демократии. Он предлагал также увеличить процент интернированных солдат за счет сокращения доли офицеров. “Дабы не вызвать справедливых нареканий на последних со стороны солдат”⁵².

⁴⁹ Там же, д. 6113, л. 145, 146–150 (с оборотами).

⁵⁰ Там же, д. 6070, л. 190.

⁵¹ Там же, л. 113.

⁵² Там же, л. 125об.

В лагерях военнопленных отбор кандидатов для интернирования поручался смешанным врачебным комиссиям из местных и норвежских врачей. Им предстояло руководствоваться утвержденным списком болезней. Комиссии посещали лагеря пленных в Германии, Австро-Венгрии и России. Норвежскими врачами в совместную российско-норвежскую комиссию были назначены капитан Дж.С. Банг и премьер-лейтенант Йермстад⁵³. Они должны были освидетельствовать на месте больных и раненных, получив предварительно от каждой из сторон списки желаемых кандидатов на интернирование. Норвежцы прибыли в Петроград в конце февраля 1917 г. (откуда им следовало далее выехать в Москву), и стали свидетелями вспыхнувшего восстания. Революция в России затянула выполнение их миссии.

По условиям достигнутого в ходе переговоров соглашения с норвежской стороной, российская дипломатическая миссия в Христиании имела право участвовать в организации работ излеченных военнопленных, а представители военного министерства России допускались в Норвегию, чтобы совместно с местными властями вести вопросы пребывания интернированных пленных⁵⁴.

Общее руководство русскими пленными и в Норвегии и Дании было поручено военному агенту в скандинавских странах подполковнику Д. Кандаурову⁵⁵, которому в помощь назначались офицеры. Гулькевич настоятельно просил МИД содействовать назначению представителем военного ведомства непосредственно в Норвегии русского генерала И.А. Хольмсена, норвежца по происхождению, находившегося в германском плену с февраля 1915 г. В этом случае, указал Гулькевич, норвежское правительство «обещает добиться его освобождения из Германии»⁵⁶. Пожалуй, более удачную кандидатуру, чем Хольмсен, было подобрать трудно: «Он знает языки, отличный военный, безусловно тактичен и с честью справится с нелегкой здесь задачей», – отмечал посланник. С Гулькевичем был согласен управляющий отделом военнопленных МИД С.Д. Боткин⁵⁷.

Предлагая кандидатуру генерала Хольмсена, Гулькевич стремился избежать проявлений бестактности по отношению к норвежцам со стороны русского военного ведомства. Основания для этого были. Вот, например, какие требования были сформулированы Генштабом в инструкции для комиссии, командированной для инспекции помещений, подготовленных в Норвегии накануне прибытия первой партии русских пленных их Германии в Австро-Венгрии: «п. 3. Сверх помещений для жилья и лечения надлежащим образом оборудованных и отвечающих всем требованиям удобства, гигиены, должны быть подготовлены особые помещения для офицерских собраний, картин, читален, мастерских, лекций и собеседований, гимнастических упражнений и отбытия предусмотренных дисциплинарным уставом взысканий... п. 6. Помещение для офицерской прислуги желательно иметь вблизи офицерских помещений»⁵⁸. Составители инструкции плохо представляли себе реалии норвежской демократической жизни и порядка в армии, где офицеры не имели личной прислуги из солдат. Доводя до начальства содержание этой инструкции, Гулькевич с едва сдерживаемым возмущением писал: «В оной, между прочим, содержится пункт о том, что комиссия должна осмотреть не только места водворения наших больных, но и австро-германских. А равно содержатся разного рода требования, чтобы помимо помещений для жилья и лечения были помещения для читален, лекций, гимнастических упражнений и пр., пр. Ввиду сего имею честь уведомить, что как я уже неоднократно сообщал, благодаря особенной любезности Доз нашим пленным отведены самые лучшие из всех других местность и помещения, по моей просьбе – вблизи Христиании, дабы я мог возможно

⁵³ Там же, л. 173.

⁵⁴ Там же, л. 184.

⁵⁵ Русский военный агент зоной ответственности имел все скандинавские страны, а его резиденция находилась в Стокгольме.

⁵⁶ АВПРИ, ф. «Второй департамент. Отдел военнопленных», оп. 708, д. 6070, л. 188.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, л. 112.

чаще посещать лагеря и что в пределах возможного все будет сделано для удобства наших больных. Вместе тем, считаю долгом указать, что предъявление неумеренных требований со стороны нашего военного ведомства ввиду крайней его бестактности по отношению к норвежцам рискует произвести на них крайне невыгодное для нас впечатление”⁵⁹.

Вопреки настояниям посланника, добиться от военного министерства назначения представителем в Норвегии генерала Хольмсена так и не удалось. Главное управление Генштаба для управления русскими, интернированными в Норвегии, прислало в помощь военному агенту Кандаурову ротмистров И.В. Гартонга и В.А. Гмелина⁶⁰.

Первый поезд с группой из 95 русских пленных прибыл на норвежскую границу в Конгсвингер вечером 9/22 апреля 1917 г.⁶¹ Их торжественно встретили представители военных властей и Красного креста Норвегии, Гулькевич, Кандауров и русская медсестра Масленникова. Утром следующего дня норвежский санитарный поезд доставил интернированных в Драммен. Оттуда они сначала на автомобилях, а потом в санях прибыли в санаторий Коннерудколе. “Вид пленных изнуренный, – писал в Гулькевич, – но трогательный прием норвежцев и сознание нахождения на свободе сильно подняло их дух. От имени Временного правительства Гулькевич поблагодарил министра иностранных дел Илена и главного санитарного инспектора норвежской армии Доз за старания по освобождению из плена русских солдат и офицеров. Последний эшелон с русскими пленными из Германии и Австро-Венгрии прибыл в Норвегию 17/30 мая 1917 г. Всего в Норвегии находилось 229 солдат, 69 офицеров, 3 врача и один священник. Один человек умер в пути. Интернированные были размещены в пяти лагерях. Люди были рады освобождению из германского плена и глубоко тронуты заботливым отношением со стороны норвежцев. Гулькевич сообщал в Петроград, что пленные просят передать благодарность и Временному правительству за освобождение.

Однако вскоре возникли трудно разрешимые вопросы. Здоровье большинства было подорвано голодом и цингой. “Убедительно прошу, – телеграфировал посланник 18 апреля 1917 г., – срочно исходатайствовать от военного ведомства ассигнования на заказ зубных протезов и искусственных зубов. Больные цингой не могут поправиться, если не будут в состоянии переваривать пищу”. Требовалось позаботиться об обмундировании офицеров и солдат и обеспечить их обувью. Посланник просил выслать 100 букварей и пособий для начальных училищ для обучения неграмотных и полуграмотных нижних чинов. “Нельзя, – настаивал он, – останавливаться даже перед крупным расходом, ибо тут прямо ставится вопрос о престиже страны.

В мае 1917 г. Гулькевич оставил Христианию и переехал в Стокгольм. Задержка выдачи причитающегося денежного жалования и присылки обмундирования и обуви из России, падение курса рубля к кроне поставили интернированных в сложное положение. Только в середине июня шведские власти дали разрешение на провоз транзитом в Норвегию солдатского обмундирования из Росси. Однако и спустя две недели поверенный в делах в Христиании фон Пилар сообщал в Петроград, что “интернированные солдаты полуголые и потому не могут быть посылаемы на работу”. Он требовал срочно прислать обмундирование или на худой случай деньги по 150 крон на человека для приобретения одежд.

Были проблемы с выполнением обязательств Временного правительства по ежемесячной оплате расходов норвежских властей на содержание интернированных русских военнопленных. В условиях острой нехватки иностранной валюты и прогрессирующего паралича государственной власти в России эта задача так не была решена до конца сентября 1917 г.⁶²

Эвакуация в Россию интернированных в Норвегии началась осенью 1917 г., а завершилась уже после свержения Временного правительства, с началом мирных переговоров между Советской Россией и Германией в 1918 г.

⁵⁹ Там же, л. 111–111об.

⁶⁰ Там же, д. 6054, л. 356.

⁶¹ Там же, д. 6070, л. 102.

⁶² Там же, л. 5–95.